

Звон колокольчиков заставил Лию содрогнуться. Не в силах определить источник опасности, она инстинктивно использовала свою Замену Бумажной Фигуркой.

Ее тело стремительно уменьшилось и истончилось, превратившись в аккуратно вырезанную бумажную фигурку.

Бумага потемнела, пожелтела и стала хрупкой, словно за одно мгновение постарела на десять лет.

И высохшая желтая бумага бесшумно рассыпалась на бесчисленное множество крошечных кусочков.

Лия снова возникла на вершине лестницы, сжимая в руке керосиновую лампу. Но в следующее мгновение она снова почувствовала, как ее плечи сковывает холодом.

Мысли у нее лихорадочно метались. Она подняла правую руку и пощипала себя за переносицу.

Активировав Духовное зрение, она взглянула на комнату напротив и на стеклянное окно.

В тусклом свете керосиновой лампы в стекле окна туалета отражалась верхняя часть тела Лии.

На каждом ее плече сидело полупрозрачное, призрачное дитя!

У них были круглые пухлые лица, мертвенно-бледная кожа и злобные гримасы.

Призрачные дети наклонились и прижались ртами к шее Лии, словно высасывая из нее жизненную силу.

Вместо того чтобы паниковать, Лия облегченно вздохнула.

Лучше знать, откуда исходит угроза, чем быть в неведении!

Теперь она могла оценить ситуацию и принять взвешенное решение.

«Так-то лучше!»

Лия выхватила свой изящный серебряный револьвер, прицелилась в жуткое дитя, сидевшее у нее на левом плече, и нажала на курок.

Бах!

Из ствола вырвалась золотая пуля, окутанная иллюзорным пламенем.

Дитя с криком слетело с плеча Лии, объятые золотым огнем.

Бах!

Лия выстрелила снова, на этот раз в ребенка, сидевшего на другом плече.

Второй призрачный ребенок, охваченный таким же сильным пламенем, закричал и полетел вслед за своим товарищем по коридору.

Материализовался женский силуэт. Это была любовница падре, Сибил Берри, сестра пастуха Пьера Берри. У нее были пронзительные голубые глаза, круглое лицо с тонкими чертами, обрамленное растрепанными черными волосами.

Ее кожа была покрыта нездоровым синеватым оттенком, а по обе стороны шеи виднелись гротескные наросты.

Призрачные дети вернулись к ней и вцепились в эти наросты, чтобы подкрепиться.

Пока они сосали, золотое пламя, охватившее их, постепенно угасло.

Но Лия не собиралась сидеть сложа руки. Она прицелилась в Сибил Берри и нажала на курок.

Раздался выстрел, и золотая пуля, пролетев всего несколько метров, попала Сибил прямо в лоб.

По какой-то причине Сибил даже не попыталась увернуться. В ее черепе образовалось кровавое отверстие.

В ране смешались белый и красный цвета, а иллюзорное золотое пламя пожирало их.

Лязг!

Сибил безжизненно рухнула на пол. Призрачные дети с искаженными от боли бледными лицами исчезли.

«И это все?» — Лия не могла в это поверить.

Серебряные колокольчики на ее вуали и ботинках продолжали звенеть, и с каждой секундой

звон становился все громче.

Лия почувствовала, как в ней стремительно растет холодная, злобная сила.

В панике она взглянула на туалет и стеклянное окно. В какой-то момент ее кожа приобрела синеватый оттенок.

В следующее мгновение ее тело снова превратилось в бумажную фигурку.

Бумажная фигурка скомкалась в шарик и с глухим стуком упала на пол.

Лия снова возникла в туалете, и леденящее чувство внутри нее все усиливалось.

Почти одновременно с этим она слышала тихий шепот у себя в ухе:

«Я заключила договор со странным существом из мира духов и получила одну из его способностей.

Я могу возродиться в теле своего убийцы, и взять его под контроль.

Ты очень красивая. Мне это очень нравится. Ты должна очень понравиться падре...»

Не раздумывая, Лия выскочила из туалета, сжимая в руках серебряный револьвер и керосиновую лампу.

Ей нужно было найти Валентина.

Экзорцизм являлся одной из специализаций тех, кто владел силой Солнца. Они были особенно эффективны против подобных угроз!

Валентин оказался загнан в угол у балкона.

Все пространство было окутано черными, как смоль, шипастыми лозами, свисавшими с потолка. Вокруг распустились кроваво-красные цветы, источающие тошнотворный запах.

Валентин раскинул руки, призвав из воздуха золотое пламя, чтобы сжечь чудовищную флору.

В этот момент в воздухе материализовался чей-то силуэт.

Это был Гийом Бене, падре Корду, одетый в белую рясу, расшитую золотыми нитями. У него были короткие черные волосы, строгие голубые глаза и слегка крючковатый нос.

Он больше не был невидимым. Он парил в воздухе и смотрел на Валентина сверху вниз.

— Валентин! — проревел он на древнем гермесе.

В складках рясы падре мерцала темная энергия.

Это была способность, которую Гийом Бене получил, заключив договор с существом из мира духов.

Назвав настоящее имя цели, он мог воздействовать на ее Духовное тело, вызывая дезориентацию.

Чем ближе язык был к природе и миру духов, и чем лучше он знал свою цель, тем сильнее был эффект.

Если его Духовное тело значительно превосходило Духовное тело цели, он мог даже извлечь ее дух, лишив ее ориентации в пространстве и возможности защищаться.

Услышав крик падре, Валентин почувствовал головокружение, и у него затуманилось сознание.

Однако он быстро взял себя в руки и избавился от дезориентации.

С тех пор, как он прибыл в Корду, он никому не называл своего полного имени. Способность падре не возымела на него особого эффекта.

Гийом Бене и не рассчитывал на успех. Прежде чем Валентин полностью избавился от головокружения, падре бросил в него приготовленную заранее человеческую кость.

Как только кость упала на пол, парящий в воздухе падре быстро пробормотал на гермесе:

— Слепой, глухой, непробудимый.

Это было проклятие и способность, которую Гийом Бене получил благодаря контракту.

Он бросал кости, символизирующие смерть, чтобы сделать цель похожей на мертвеца — слепой

и глухой, с невидящими глазами.

Валентин не спал, поэтому проклятие не могло погрузить его в сон. Однако усилилось головокружение, в глазах у него помутнело, в ушах зазвенело. Он почти ничего не видел дальше трех метров и ничего не слышал.

Падре, воспользовавшись моментом, протянул правую руку.

Его голубые глаза приобрели туманный, почти эфирный вид.

Вокруг Валентина закружились сложные ртутные символы, напоминающие крошечные реки. Они образовали огромную иллюзорную реку, мерцающую в свете.

Вниз по течению отходило бесчисленное множество притоков. Большая часть из них была поглощена основным потоком, и остался лишь один.

Гийом Бене наблюдал несколько секунд и, прежде чем Валентин избавился от наведенных проклятием слепоты и глухоты, выхватил один из символов ртути.

Он собирался расширить соответствующий приток и сделать реальностью судьбу Валентина, парализованного Цветами Демона из Бездны.

Райан едва успел увернуться от топора, выскочившего из тени и метнувшегося к нему. Он быстро отбросил керосиновую лампу, которую нес в руке, надел серебристо-белые доспехи, и в его руке появился меч, сотканный из света.

Лязг! Лязг! Лязг!

Райан наносил удар за ударом, заставляя тень отступить к стене. Выпущенные им искорки Рассветного Проблеска окутали окрестности, отгоняя тени.

Черные, как смоль, и бледно-белые, злобные или ужасающие руки, которые уже готовы были протянуться из-за тени, отпрянули, и им было трудно схватить тело Райана.

Лязг!

Тень вжалась в стену и вернулась к своему нормальному виду.

Под лучами Рассветного Проблеска она исчезла.

Неподалеку разрослась другая тень, и из нее вышел пастух Пьер Берри, одетый в длинный плащ с капюшоном.

Он слегка наклонился и, сжимая в руке топор, бросился на Райана, с каждым шагом накапливая силу в своем теле. Сделав несколько шагов, Пьер Берри, казалось, вырос в размерах и стал невероятно сильным.

Райан, возвышаясь над своим противником, схватился обеими руками за Меч Рассвета, готовясь ударить врага, который несся на него, словно разъяренный бык.

Лязг!

Меч и топор столкнулись, рассыпая во все стороны искры.

И Пьер Берри, и Райан одновременно отшатнулись. Одному потребовалось три шага, чтобы восстановить равновесие, а другому — всего один.

Райан, отставив одну ногу назад, остановился и, воспользовавшись моментом, пока Пьер Берри не пришел в себя, бросился вперед, занося меч для удара.

И тут Пьер Берри распахнул пасть.

Его язык чудесным образом превратился в странного хамелеона.

Голова хамелеона оказалась зажата между ног, а передняя лапка была засунута в пасть.

Как только взгляд Райана упал на хамелеона, он почувствовал, как его голову пронзила жгучая боль, настолько сильная, что его рука дрогнула, и удар не достиг цели.

«Проклятие головной боли!»

Пастух Пьер Берри получил эту способность, заключив контракт с загадочным Духовным телом, которое при жизни любило изучать всевозможные проклятия.

Пьер Берри, воспользовавшись возможностью, пока Райан мучился от сильной головной боли, вернул себе отступающую тень и яростно атаковал.

Райан, оглушенный лязгом металла, был вынужден отступить.

Люмиан, услышав шум за дверью, резко сел на кровати и торопливо сказал Авроре:

— Что-то не так! Нам нужно объединиться с Райаном и остальными!

Райан не раз повторял им это правило: столкнувшись с нападением, нужно стараться держаться вместе. Единая команда была куда эффективнее, чем пять человек, сражающихся поодиночке!

— Хорошо! — Аврора спрыгнула с кровати, бросилась к двери и засунула руку в потайной карман своего развевающегося платья.

Подойдя к открытой двери, Люмиан увидел чей-то силуэт — перед ним стоял заместитель падре, Мишель Гарриг, одетый в белую рясу, расшитую золотыми нитями.

В глазах у этого привлекательного молодого человека с вьющимися волосами была пугающая пустота.

— Хочешь помолиться? — он улыбнулся Люмиану.

Люмиан, не раздумывая, выхватил топор и замахнулся на шею Мишеля.

Голова Мишеля мотнулась в сторону, но выступило лишь немного крови.

— Хочешь помолиться? — он, взглянув на Люмиана краем глаза, лучезарно улыбнулся, словно ничего не произошло.

Люмиан уже хотел было снова занести топор, чтобы отрубить ему голову, как вдруг его охватило всепоглощающее чувство опасности.

Полагаясь на невероятную ловкость Танцора, он резко развернулся и замахнулся топором за спиной.

В следующее мгновение его взгляд застыл на месте.

Он увидел Аврору.

В голубых глазах Авроры откуда ни возьмись появилась пустота. Она бросила в Люмиана горсть порошка, сделанного из какого-то дерева.

Увидев знакомое лицо своей сестры, Люмиан замедлил удар топора, а затем и вовсе остановился.

Он даже забыл увернуться.

Раздался треск, и в голову Люмиана ударил шар из серебряных молний.

Он потерял сознание.

Его поглотила тьма.

<http://tl.rulate.ru/book/85594/4586445>